

СЦЕНАРИЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ГОСТИНОЙ «СОВРЕМЕННАЯ УФИМСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Выход ведущих. На экране заставка-слайд с фотографией Уфы.

Ведущий 1: С чего начинается город? (*На экране – виды Уфы*). Одни говорят – с ограды, обнесут, мол, стенами участок пространства, построят внутри дома – и готово. Другие полагают, что город встает на перекрестках дорог, обычных и водных. Именно их течение создаёт магнетизм, притягивающий идеи, людей и финансы. Дороги выются, бурлят, и внутри их волшебного круга ускоряется время.

Ведущий 2: Но скопление денег, домов, транспорта и людей – только полдела, ради которого не стоит и огород городить. Линию города, отделяя от иного пространства, вычерчивают художники. Его создают, играя, артисты. Но главное – его огораживают словом писатели.

Ведущий 3: «Уфа на наших глазах становится не просто городом, а мегаполисом, – пишет уфимский писатель, Светлана Чураева. Следить за её превращением увлекательно, участвовать в этом процессе интересней стократ. Два десятилетия – достаточный срок для появления новой литературы – российской, русскоязычной, региональной – уфимской».

Ведущий 1: Сегодня мы обратимся к творчеству только некоторых ярких и самобытных авторов, прочитаем фрагменты из их произведений. «Жизнь – это война с забвением...». Эти слова из романа «Инок» уфимского прозаика Петра Алексеевича Храмова и они подчёркивают главную особенность этого художественного текста.

Фото Петра Храмова.

Ведущий 2: Имя Петра Храмова стоит особняком в уфимской литературе. Его исповедально-биографический роман несколько десятилетий шел к своему читателю. «Инок» – одно из лучших автобиографических произведений, которое можно смело поставить в один ряд с классикой: произведениями С. Т. Аксакова, Л. Н. Толстого, А. М. Горького, М. Карима. А сейчас давайте посмотрим буктрейлер по этому произведению. *Включается буктрейлер по произведению Петра Храмова «Инок».*

Выход ведущих.

Включается музыка колоколов, показывается фотография Михаила Чванова в Надеждино.

Ведущий 2:

В Надеждино звонят колокола

И благовест разносится, как прежде.

В Надеждине звонят колокола –

Последние колокола надежды!

Рефреном звучат эти строки в стихотворении К. Скворцова, посвящённом Михаилу Андреевичу Чванову.

Фото Михаила Чванова.

Ведущий 1: Творчество М. Чванова возвращает современного читателя к реалистической художественной литературе, заставляя задуматься о незыблемых духовных ценностях, о своих корнях, родниках своей души. Потребность автора высказаться, достучаться до читателя, выразить в тексте своего произведения собственную гражданскую позицию – это первостепенное качество всякого настоящего художника.

Предлагаем вашему вниманию фрагмент из рассказа Михаила Чванова «Общественный смотритель туалетов Журавлёв»

Картинка кафе на слайде. Калинин и Журавлёв пьют кофе.

Калинин: Все говорили о тебе как о восходящей звезде. Я читал о тебе статьи в «Литературной газете». Уж самые бездари ходят в поэтах. Пахомов вон... А ты вдруг...

Журавлёв: Ходить в поэтах – одно, а быть в поэтах – совсем другое. Поэты почему-то мало живут, друг мой, статистика – упрямая вещь. Поэтому я предпочитаю быть техническим инспектором. Ну что вон Высоцкий, допелся, сорок два года – и сгорел... А я живу. Поэты, друг мой, живут после смерти, и любить их начинают после смерти, а я на этом свете хочу пожить, ты уж прости меня за это. Поэты плохо кончают, а у меня больная жена и двое детей. Поэт... Поэт – не просто талант. Поэт – это талант без оглядки. Поэт всегда пусть немного, но всегда впереди своего времени... (Калинин ждал, что дальше скажет Журавлёв, но тот молчал, внимательно рассматривая пустую кофейную чашку).

Журавлёв: Ты видел когда-нибудь напуганный волками до смерти табун? В горах? Как он несётся по долине? В степи он ещё может куда свернуть, а тут один лишь путь – скучившись по долине. Не сеется осатаневший табун, только грохот да пыль за ним, табунщики отстали, кони в мыле, храпят. И представь вот, один конь на полном скаку начинает разворачиваться навстречу табуну...

Калинин: А зачем?

Журавлёв: Вот в том-то и дело (Журавлёв со стуком поставил чашку на стол). Если трезво рассудить, то действительно зачем? (усмехнулся) А хотя бы затем, что волков-то всегда меньше, и если развернуть табун, то они, поджав хвосты, торопливо рассыплются в стороны, иначе табун растопчет их. А вместо этого он растопчет вдруг повернувшегося коня, и какой-нибудь другой конь, в досадливом недоумении проносясь над растоптанным, мельком подумает: «Зачем мешал, зачем лез под ноги?!» (Журавлёв снова принялся рассматривать на свет свою чашку).

Калинин (в сторону): И чего он добился, этот конь?

Журавлёв: И понесётся табун дальше, и только потом до кого-нибудь дойдёт, что те несколько секунд, на которые безумец задержал табун, спасли многим жизнь, потому что этих нескольких мгновений хватило, чтобы отставшие догнали табун, ведь волки только и добивались этого: разбить табун, а потом отбить отставших... Красиво говорю?

(усмехнулся) Это не я придумал, это из хакасского эпоса...Поэты мало живут, а я жить хочу – долго-долго, до внуков. Не лучше ли делать маленькое, но конкретное человеческое добро для конкретного человека? Поэтому я технический инспектор. Я еду в дальний район и знаю, что от моей поездки зависит здоровье, а значит, и счастье конкретных людей. А от этого и я счастлив и, сделав дело, тороплюсь домой, и жена за меня спокойна. (Журавлёв перевернул чашку вверх дном, так поставил её на стойку).

Журавлёв: Всё ясно, вопросов больше нет?

Калинин: Нет

Журавлёв: Тогда пойдём.

(Вышли на улицу)

Выход ведущих.

Демонстрируется фото Светланы Чураевой.

Ведущий 3: Творчество Светланы Чураевой, ещё одного незаурядного уфимского автора, также многогранно. Она пишет о нашей современнице, стремящейся к любви, пытающейся сохранить хрупкое семейное счастье, отстоять свое «я»(например в рассказах «Моя пятидневная война», «Девочка и графоман», «Дамский рассказ» и др.); в повести «Последний Апостол» рассказывает о новозаветном герое Апостоле Павле, сомневающимся, отрицающем и обретающем веру; а повести «Ниже неба» пишет о башкирском художнике, первоюданной красоте его родного края, гармонии и дисгармонии мира, о желании созидать, а не разрушать. А вот небольшой фрагмент из повести о башкирском художнике Касиме Девлеткильдееве. Послушаем фрагмент из повести «Ниже неба».

Звучит башкирская музыка, показываются картины К. Девлеткильдеева.

Касим: Смотри, агай, какой красный цветок.

Агай: Этот? Мм, да – луговой мак.

Касим: Он такой красный, что, наверное, только кровью можно рисовать его.

Агай: Зачем же кровью? Она быстро станет чёрной и испортит рисунок. На, возьми лучше красный карандаш. – Дядя потряс свою сумку и выудил из неё толстый карандаш. Мальчик опасливо покосился на сумку. – Вот, держи. Сейчас я дам тебе ещё и бумагу...

Касим взял маленький кусок толстого картона – обрывок какой-то коробки – и неуверенно нарисовал на ней неровный кружок.

Касим: Это лепесток, – объяснил он.

Агай: Хорошо, теперь закрась.

Касим: Как?

Дядя взял карандаш и аккуратно заштриховал кружок.

Агай: Теперь сам.

Касим нарисовал остальные лепестки, закрасил их кое-как, посмотрел на красное пятно посреди белой бумаги и заплакал.

Агай: Что ты? – удивился дядя.

Касим: Я не смогу! Никогда.

Агай: Сможешь, этому научиться не так уж сложно.

Мальчик плакал

Агай: Есть специальные школы, где учат рисовать. Не плачь, ты научишься.

Касим: Я никогда не смогу нарисовать всё! Все эти цветы, посмотри, агай, как их много, посмотри на этот камень, как я могу нарисовать его? А небо? У тебя есть карандаш цвета неба?

Агай: У меня есть синий карандаш. Но зачем тебе рисовать всё?

Касим: Небо не синее, агай.

Агай: Зачем тебе рисовать всё?

Касим: Разве ты не понимаешь? – Касим от рыданий не мог говорить внятно. – Ведь скоро – ночь!

Агай: И что?

Касим: И всё исчезнет! Оно пропадёт, и я не смогу, я не успею нарисовать все цветы. Они исчезнут!

Агай: Малыш, но ведь завтра опять будет так же красиво. Зачем плакать?

Касим покачал головой.

Касим: Нет, дядя, я уже знаю, что совсем потом наступит зима.

Агай: Но и после зимы будет лето, и все цветы опять будут на своих местах. Мы придём сюда и будем рисовать их.

Касиму очень хотелось верить дяде, ведь тот был учёный человек и знал всё на свете. Наверное, так и будет, как он сказал...

Агай: Ты ведь помнишь зиму? – спросил дядя.

Касим: Да.

Агай: Она кончилась, и теперь лето. Так кончится и следующая зима.

Касим: А до той зимы тоже было лето?

Агай: Конечно.

Касим: Ты сам помнишь?

Агай: Да, я помню это точно, – успокоил дядя. – Пойдём, отведу тебя пока домой. А завтра покажу кое-что.

Показывается фотография Раили Шаяхметовой.

Ведущий 3: Еще одно яркое женское имя в уфимской прозе – Раила Шаяхметова (*фото листьев*). Роман «Слова и листья» о любви, творящей Вселенную, созидающей человека, о сотворении мира и сотворении души, не терпящей пустоты. Произведение Р. Шаяхметовой, построенное на автобиографической основе, представляет собой поток сознания, плотный сгусток духовной жизни героини. Благодаря ей читатель понимает, как дышит, мыслит, чувствует Вселенная. Потому что Она и есть огромная, непознанная Вселенная, вобравшая, впусившая в недра свои чувство любви. Сейчас мы вам покажем фрагмент из этого произведения.

Читают три девушки, звучит фортепьянная музыка..

1: Во мне было столько любви, сколько неба над головой. И не на кого было опрокинуть эту голубую чашу.

2: Во мне было столько любви, сколько неба над головой. И я задыхалась под этой несметной чашей, мне нужно было разбить ее, вырваться за пределы ее. **3:** Крепка, как смерть, любовь, и она придавливала меня, как смерть. И я лежала бездыханная, придавленная и задавленная. Как та самая лошадь, которая, возможно, уже нашла своего синего всадника. Лежала я у себя дома, в доме на пересечении проспекта Октября и бульвара Славы, в спальне, в кровати, почему-то одетая.

1: Было воскресенье. Влетевший в открытое окно майский день ликовал и смеялся. Я в соответствии с обстоятельствами страдала по приближающемуся финишу своей жизни и наблюдала за радостной птицей, летающей по комнате, по всем ее местам, углам и потолкам, сверкающим

днем. Птица дней. Стая дней. Свиток дней. Мой свиток. Может быть, не стоит ждать первого июня, скомкать свиток. Пусть румяный, светлый хоровод толпится весело у гробового выхода из моей жизни. Лучше хоровод дней, чем ошметки последних безнадежных часов. Безнадежных. А разве бывает безнадежный выход?

2: Еще ни разу не было, чтобы человек откуда-нибудь вышел и при этом никуда не вошел. Там, где выход, там и вход. И ведь Пушкин не говорил «гробовой выход», он говорил «гробовой вход». Куда же войду я, после того как выйду? И ведь у каждого человека свой выход. Получается несметное количество выходов, и разве может быть так, что все эти несметные выходы входят в одно и то же. Не могут несметные выходы быть одним и тем же входом. Не может быть Вечность одной на всех коммунальной дырой. Даже в общежитии у каждого своя кровать и своя тумбочка.

3: И если у каждого свой выход и свой вход, то, во что каждый, выйдя, входит, тоже свое. Какой ты, такое и свое. Каждому по мере его. Моя мера была большая. Абсолютная. Не могут несметные выходы быть одним и тем же входом. Вход, выход, исход. Сияние, зияние. Может быть, зияние – это и есть сияние? И я, пройдя через зияние, попаду в свое собственное сияние? Может быть, мой выход – это вход в небо-солнце. Смерть – это и есть небо-солнце. А может быть, смерть – это похороны солнца. Хоронить–сохранить. Значит, похоронить – это сохранить. Сохранить – что и для чего. Для кого. Нет, я не хочу неба-солнца. Я хочу чего-то еще. Что-то еще.

Фото Вадима Богданова.

Ведущий 1: Историко-философское направление в уфимской литературе разрабатывает В. Богданов. Ему удается слить в единое целое исторические факты, мифологию, этнографические детали и вымысел.

Ведущий 3: Явными достоинствами рассказа Богданова «Гуси-лебеди» являются динамичный сюжет, колоритные исторические и мифологические персонажи, сочный и образный язык. Всё это дает уфимскому писателю возможность создать на основе исторического материала красивую легенду о спасении первого царя из династии Романовых, предание о мощи и святости русского духа, о нравственной чистоте и настоящей вере. Сейчас вы увидите фрагмент из этого рассказа.

Пож музыку показываются картинки из сказки «Гуси-лебеди».

Маша шевельнула плечами, стала расталкивать мягкие объятия.

Маша: Пусти. Ты колючий!

Игнат: Колючий? Известно, колючий, я же ёжик.

Маша: Ты не ёжик, ты дедушка.

Игнат: Ай? С чего ты взяла, что я дедушка, ты ж меня не видишь?

Маша: Я слышу. Пусти, бородой колешь!

Игнат: Ну, знамо дело, я же дедушка-ёжик.

Жилистые угластые руки с рыжинами на пальцах помогли Маше подняться, отряхнули, поправили. Маша не испугалась нового встречного – слишком смешным казался старичок. Седая борода его топорщилась во все стороны длинным седым волосом и впрямь как ежиный пух.

Игнат: Что, сестрица, потеряла братца? Унесли его гуси-лебеди!

Маша: Михалик не брат мне...

Игнат: У-лю-лю, у-лю-лю... Сегодня братец, завтра женишок, послезавтра муженек, а потом батюшка... всему народу батюшка... Ай, нет! Нет, девонька не бывать тебе царицей, останешься царевой невестой... - Старичок говорил совсем непонятно, будто с Машей, а сам даже не глядел на нее. – Ай, бедная девонька... Не едать бы тебе сладкого...

Старичок погладил Машу по голове, опустил взгляд и вдруг вскрикнул.

Игнат: Ты смотри – отварушка! – Старичок сорвал желтоватый грибок, оглядел. – Подорешина! Беда, беда – отдали гусаки Ивашеньку ведьме на съедение! Гляди, как червь гриб подъял!

Маша: Дедушка, это они Михалика ведьме отдали?!

Игнат: Его, кого же еще! Ох, она гадуница! Колченогая на птичьей ноге, лежит во гробе, в мертвой утробе! Тьфу! Тьфу! Тьфу!

Маша: Дедушка надо выручать Михалика! Съест она его!

Игнат: Ох, надо выручать, дитяко, надо! Да как? Она злыдня меня за семь верст почует! Ах, я дурень старой! Совсем очекурился! Ведь знал же, что поспешать надо! Письмо от самой Сийской обители нес, а тут!.. Господи, прости меня грешного!

Старичок рухнул на колени, горячо, но быстро помолился, резво вскочил.

Игнат: Просветил меня Господь, неразумного. Пойдем, мнученька! Ох, жалкую тебя милую, а ничего не поделаешь. Только чистая невинная душенька устоит против гадуницы поганой. Идем, дитятко.

Выход ведущих.

Ведущий 2: Сегодня прозвучали имена далеко не всех уфимских прозаиков. Так же необходимо вспомнить

Ведущий 1: Анатолия Яковлева,

Ведущий 2: Юрия Горюхина,

Ведущий 3: Артура Кудашева,

Ведущий 1: Дениса Лапицкого,

Ведущий 2: Камиля Зиганшина,

Ведущий 3: Игоря Савельева.

Ведущий 2: Д.С. Лихачев писал: «Понять литературу, не зная мест, где она родилась, не менее трудно, чем понять чужую мысль, не зная языка, на котором она выражена». Вслед за Лихачёвым повторим. Знакомство с региональной литературой – это своеобразное приобщение к духовной жизни родного края. С. Чураева в рассказе «Моя пятидневная война» сказала: «<...> Веденье – осознание – края так необходимо, чтоб удержаться от падения в ад, чтобы не сорваться в единый наш кровоток безродным губительным тромбом». Безусловно, эти слова в полной мере применимы и к литературному наследию своего края.

Ведущий 3: Закончить нашу литературно-музыкальную композицию мы хотели бы песней уфимского поэта и барда Сергея Леонидовича Круля. *Звучит песня С. Круля «Там, где дом моей матери».*

Участники Литературной гостиной:

сценарист Мухаметшина Эльвира.

Ведущие: Валитова Ольга, Шамсутдинова Айгуль, Слющенкова Елена.

Отрывок из рассказа М.Чванова «Общественный смотритель туалетов Журавлёв» читают: Журавлёв – Анастасия Балычева (также автор буктрейлера по роману «Инок» П. А. Храмова), Калинин – Александра Асангулова.

Отрывок из романа Р. Шаяхметовой «Слова и листья» представляют:

1 девушка – Исхакова Жаннет,

2 девушка – Шамсутдинова Айгуль,

3 девушка – Аношина Анна,

Исполнитель мелодии песни «Ода нашей любви» на фортепиано – Слющенкова Елена.

Отрывок из рассказа В. Богданова «Гуси-лебеди» читают:

Маша – Хасанова Резеда, Дед Игнат – Кочетова Марина.

Отрывок из повести С. Чураевой «Ниже неба» озвучивают:

Касим – Мухаметшина Эльвира, Агай – Исяньюлова Лилия.

Ответственная за техническое сопровождение – Козлова Кристина.

Оформление мероприятия: портреты уфимских прозаиков, плакат «Современная уфимская проза».